

СЛОЖНЫЕ СЕТИ И ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: lvs morgunov@gmail.com

В статье раскрываются особенности современного демократического процесса в России, связанного с протестными движениями последнего времени. Подчеркивается значение новой публичности, возникающей в условиях сложных социальных сетей, и характер политического влияния. Анализируются признаки сложных сетей и особенности сложного мышления. Выявляются трансформации современного государства в условиях кризиса традиционных форм легитимности власти и перехода к «акционной легитимности», повышения роли координирующей функции государства в публичном пространстве. Раскрывается лиминальность современной властной ситуации в России.

Ключевые слова: сложные сети, политический протест, сложное мышление, лиминальность властной ситуации.

COMPLEX NETWORKS AND DEMOCRACY IN RUSSIA: NEW POSSIBILITIES AND LIMITS

Smorgunov Leonid V., D.Sc. (Philosophy), Professor

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: lvs morgunov@gmail.com

The paper describes the features of the modern democratic process in Russia, associated with the protest movements of the recent time. The importance of the new publicity, arising in the context of complex social networks, and the nature of political influence are emphasized. The characteristics of complex networks, the features of a complex thought, the transformation of the modern state, the crisis of traditional forms of legitimacy and the transition to a "promotional legitimacy" are analyzed. The increase of the role of coordinating function of the state in a public space and the liminality of the current power situation in Russia are studied.

Keywords: Complex networks, Political protest, Complex thought, Liminality of power.

Российский политический процесс приобрел новое измерение со второй половины 2011 г., когда произошел явный раскол в политическом сознании и политических действиях в связи с предвыборной парламентской кампанией. Этот раскол углубился после выборов в Государственную думу и приобрел четкие очертания в ходе президентских выборов 2012 г. Хотя центром противостояния была фигура избранного на новый срок президентом В.В. Путина, а соответствующие идеологические противостояния включали в себя идеологемы «авторитаризм – демократия», «манipуляция – честность», «стабильность – развитие», «реставрация – революция», «закрытость – открытость» и т.д., тем не менее эти внешние и видимые очертания конфликтного противостояния скрывали за собой более глубокие процессы и разломы, которые сопровождают современное развитие не только в России. С одной стороны, это требование радикального расширения публичного пространства выработки и реализации государственных решений, сопровождающееся кризисом легитимности не только авторитаризма, но и демократической репрезентации. С другой стороны, это возникновение реальной угрозы для устойчивого развития современных политий, а, следовательно, поиск такого политического порядка, который бы обеспечивался не столько институциональной определенностью, сколько сопряженностью ответствен-

ных заявлений и действий. В общем, в противостоянии встретились два типа политики, сформированные разными шкалами политической ответственности. Упрек в безответственности звучал с обеих сторон противостояния, и никто не мог понять, что эти упреки были порождены новым сложным миром, в котором никто в одностороннем порядке не может взять на себя ответственность. «Вы выдвигаете против нас террор классовой борьбы», – говорили одни. «Вы выдвигаете против нас террор беспорядка», – говорили другие. Обе стороны были правы в одном, каждая из них использовала террор как средство политической борьбы. Эта ситуация определялась помимо многих других обстоятельств однолинейностью политического мышления и неспособностью выйти на уровень новых требований усложняющегося публичного мира. Но одновременно эти события продемонстрировали формирующуюся новую природу власти в сложном обществе, которая скорее является не «национально связанным "садовником", имеющим дело с наведением порядка и стабильности, а "лесником", преимущественная функция которого состоит в контроле сложных и нелинейных глобальных потоков» [7, р. 56–57]. Конечно, этот процесс нельзя считать уже оконченным; скорее мы наблюдаем сдвиг в эту сторону, а потому радикальная позиция наталкивается на естественное непонимание. Но и сам радикальный тренд не учитывает естественную затянутость перехода, пытаясь простыми способами решать сложные задачи. Проблема лиминальности, т.е. пороговости, ситуации является в этом случае не только не решаемой, но и не осознаваемой. А это порождает ряд процессов, которые создают как новые возможности, так и новые ограничения.

Сложное политическое мышление. В политической науке все большее внимание уделяется изучению сложных (адаптивных) систем, которые не подчиняются линейному развитию, включают в себя синергетические компоненты самоорганизации, бифуркационные потоки, сложные причинные зависимости и т.д. Сложность является результатом самой реальности, т.е. принадлежит к объекту исследования. В этом отношении известно, что социальные системы являются сложными системами, определяемыми характером социальных отношений, множеством акторов, особенностью деятельности, открытостью социальных систем, историчностью и т.д. Но и процесс человеческого познания вносит элемент неопределенности в процесс и усложняет его и его результаты. Как подчеркивает Е. Оверман [4, р. 487–491], имеется пять принципов, которые нужно брать в расчет, когда изучаются сложные феномены:

- классические дихотомии являются концептуальными иллюзиями – дополнительность;
- мы не можем знать действительность во всех ее деталях – неопределенность;
- нет независимости исследователя от объекта изучения – проблема измерения;
- действие на расстоянии – нелокальная причинность – существует и дополняет традиционное понимание причинности;
- мы способны участвовать в становлении реальности, в которой мы живем – коллизия участия (конструктивизм).

Изучение сложных систем сначала в физике, биологии и компьютерных науках начинает проникать и в область общественных наук. Особое место эта проблема занимает в политической науке, а для нас важно – в изучении публичной политики. В этом отношении предсказуемым было то применение теории сложности в социальных науках, включая исследование политики, которое фокусировалось на нелинейности, нестабильности и неопределенности: «Политическая сфера является определенно нелинейной, где нестабильность и непредсказуемость являются внутренними и где причина и следствие часто загадочно смешиваются. Очевидный факт, что политические системы являются историческими и временными системами также повышает потенциальную ценность в применении теории сложности в социальных науках» [3, р. 132]. Сетевой подход к публичной политике, как отмечалось ранее, основывается на этой философии сложности. Но и здесь особо выделяется раздел сложных социальных и политических сетей. Как писал Ричард Стейси, сложность «демонстрирует, что динамика сложных сетей взаимодействующих агентов определяется природой отношений в сетях. В общем, как только растут потоки информации / энергии,

как только возрастает взаимосвязь между агентами и разнообразие самих агентов, динамика сетей меняется. Они переходят от повторяющейся, предсказуемой стабильности к случайности и дезинтеграции. На самом критическом уровне потоков информации / энергии, связанности и разнообразия проявляется динамика связанной нестабильности, т.е. одновременное присутствие стабильности и нестабильности, порядка и беспорядка. Именно при такой динамике на острие дезинтеграции могут вырасти новые формы взаимоотношений» [6, p. 352].

Феномен сложного мышления является составной частью феномена сложного мира. Его основной императив состоит в способности нашего мышления соотносить друг с другом различные стратегии человеческого мышления и действия и находить адекватные решения, соотносимые с ситуацией и контекстом. В этом отношении сложное мышление веротерпимо и плюралистично, т.е. допускает и однолинейные стратегии, которые должны встроиться в сложную картину формирующейся реальности, не нарушая, а дополняя синергетический эффект.

Сложные сети. Теория сложных сетей возникает в начале XXI в. и характеризует сетевые образования с более сложной структурой, чем наличие определенного и устойчивого числа узлов и связей. Сложные сети характеризуются следующими основными характеристиками:

- большим размером сети, измеряемым количеством узлов сети, отношений между узлами, величиной (длиной) отношений, диаметром сети, распределением узлов по числу связей и т.д.;
- сложным характером отношений между кластерами и «звездами» в сети, измеряемым коэффициентом кластеризации, коэффициентом ассортативности, матрицей смежности, показателями транзитивности и т.д.;
- интенсивными процессами критичной самоорганизации сетевого взаимодействия;
- устойчивость сетей к ошибкам, повреждениям, конфликтам, но одновременно каскадными повреждениями и распространениями явлений;
- масштабными процессами синхронизации взаимодействий [2, с. 121–141].

Что добавляет теория сложных сетей к нашему пониманию политики? Некоторые рассматривают ее в качестве простой метафоры, которая хотя и проясняет познание, но не радикально. Как писал Кристофер Поллитт, теория сложности для исследования публичной политики является слабой: «Итак, мы должны спросить, что прибавляет теория сложности [к нашему знанию]? Определенно не идею динамизма или непредвиденных событий, потому что обе эти идеи присутствуют в более традиционных подходах. Другая тенденция, отмечаемая среди теоретиков сложности, состоит в заявлении некоторых новых концептов или точек зрения, которые, фактически, происходят из более ранних различных теоретических традиций... Эти элементы еще не являются вершиной в теории сложности, примененной к публичному управлению, в том смысле, что они дают прогностическое объяснение действий и результатов» [5, p. 229]. Другие полагают, что теория сложности еще не совсем проработана применительно к политике и публичному управлению. Ее развитие будет способствовать более адекватному представлению процессов и механизмов выработки и реализации публичных решений. В этом отношении следует согласиться с Улем Эллиоттом, что «понимание, представленные теорией сложности и ее результатами, не является атакой на любые особые методологические подходы, которые приняты обществоведами. Скорее наука о хаосе и сложности должна была бы показать, что многие феномены, интересные нам и в природном и в социальном мирах, характеризуются таким уровнем "сложности", который ограничивает нашу способность предсказывать их будущую эволюцию и которые призывают к использованию новых аналитических структур и инструментов, способных поддержать и усилить существующие исследовательские подходы» [3, p. 133]. В этом отношении сети «тесного мира» и «безмасштабные сети» выступают новыми структурами сложности.

Понятие сетей «тесного мира» появилось относительно недавно и соотносимо с проблемой сложной реальности и сложного мышления. Его основной смысл заклю-

чается в том, что люди отделены друг от друга небольшой степенью пространственных расстояний. В этом смысле каждый человек связан с любым другим человеком через шесть знакомств, что было отчасти доказано эмпирически. Феномен сетей «тесного мира» характеризуется не только большим коэффициентом связности, но и такими эффектами, как «предпочтительная преданность» (возможность узла сети связываться с новыми узлами определяется числом связей, которые узел уже имеет), кластеризация сети, быстрые процессы диффузии ресурсов по каналам сети. Феномен сетей «тесного мира» порождает психологию и идеологию непосредственности и открытости коммуникации, которые позволяют использовать их для более эффективной мобилизационной активности. Доверие, возникающее в сетях «тесного мира», является ресурсом легитимации политических действий как честных и взаимных.

Безмасштабные сети в свою очередь создают такое пространство коммуникации и политической мобилизации, которое приобретает ряд свойств не традиционных для политики. Во-первых, такие сети порождают неравномерное распределение узлов с концентрацией связей, когда создается эффект «привязанности» участников сети к таким высококонцентрированным узлам и наоборот. Во-вторых, такие сети растут быстро из-за высокой частотности появления слабых связей. Все это повышает мобилизационную готовность к политическому действию, усиливает возможность координационной стратегии и создает возможность существования движения без формально обозначенных лидеров.

Феномен сложного мышления является составной частью феномена сложного мира. Его основной императив состоит в способности нашего мышления соотносить друг с другом различные стратегии человеческого мышления и действия и находить адекватные решения, соотносимые с ситуацией и контекстом. В этом отношении сложное мышление веротерпимо и плюралистично, т.е. допускает и однолинейные стратегии, которые должны встроиться в сложную картину формирующейся реальности, не нарушая, а дополняя синергетический эффект. Сложность и неустойчивый характер современного общественного мира порождают феномены, которые трудно объяснить в рамках прежних теоретических парадигм. Вот почему нарастает движение за новый взгляд на общество и новую теоретическую парадигму. В методологическом отношении пробивает дорогу синтетические подходы. В теоретическом отношении одной из новых парадигм описания сложности выступает концепция лиминальности.

Лиминальность властной ситуации в России. Концепция лиминальности описывает такие состояния системы, когда она меняет свои структурные, идентификационные и функциональные свойства на другие, но при этом переход не является завершённым. Система находится на пороге изменений, что порождает ряд неустойчивых и высоко конфликтных ситуаций. В противоположность диалектической концепции «скачков», лиминальность не строится на дихотомии противоположностей и их борьбы, а включает в орбиту рассмотрения всю совокупность процессов и факторов, порождающих множество возможных направлений развития через их синергию. Открытость процессов к возможным изменениям, а не предзаданность возможных изменений является результатом событийности реальности, разворачивающейся перед нашими глазами [1, с. 122–133]. В этом отношении применительно к российской властной ситуации можно отметить ряд характерных особенностей, которые подчеркивают лиминальный характер государственного строительства.

Характеризуя политические процессы в России на рубеже 2011–2012 гг. следует подчеркнуть ряд моментов, которые, на наш взгляд, можно охарактеризовать с использованием концепции лиминальности. Прежде всего, применительно к российской властной ситуации можно отметить ряд характерных особенностей, которые подчеркивают лиминальный характер государственного строительства. Отметим, что в аспекте лиминальной концепции сами выборы органов государственной власти и выборы высших должностных лиц можно описать в качестве пороговой ситуации. Фактически, избирательная кампания и непосредственно выборы являются ритуалом, который подтверждает переход того или иного лица в положение наделенного властью. Поэтому спор по поводу честности ритуала является спором по поводу леги-

тимности наделяния властью. Немаловажным является и то, что протесты и состав их участников могут быть также охарактеризованы лиминальным положением, так как одним из центральных мотивов здесь выступала критика сложившейся властной структуры и необходимость перехода к иной структурной матрице.

Новые социальные сети создают, конечно, проблемы для публичности, часто определяемые стремлением к приватизации. Так, если телевидение ориентировалось на принцип «новости в семью», то Интернет часто создает вместо совместности разьединенность, вместо открытости интимность, вместо явленности бессубъектность. Есть ли что-то здесь, что вселяет оптимизм относительно публичности. Выход, как представляется, находится в не до конца реализованных новых возможностях ИКТ. Принципиально речь может идти о переходе акцентов от передачи информации к взаимодействию и формированию знания (интерактивность); от сокрытия места к стремлению в пространство; от старой репрезентации, основанной на расстоянии, к участию и обсуждению (форумы) и т.д. В целом можно говорить о том, что формируемый виртуальным публичным пространством «креативный класс» с настойчивостью относящийся вообще к политике пытается все же влиять на нее дистанционно. «Дистанционное политическое влияние» осуществляется в виде постоянного шантажа государства, в критической своей фазе переходя к политической мобилизации посредством сетей и к использованию традиционных форм публичности – митинги, демонстрации, петиции. Эта форма деятельности нарушает традиционную репрезентативную политику. «Креативный класс» будет дистанцировать себя от прямого участия в политике даже через своих представителей, но будет оказывать на нее влияние, исходя из сформированных пониманий, какова политика должна быть. Однако это не означает, что он не будет использовать властный ресурс, определяемый новыми условиями политической мобилизации через сети.

Влияние трансформационных процессов в публичной виртуальной сфере сказывается на изменении миссии государства, структуры, функций и технологий его политики и управления в современном обществе. Основная гипотеза здесь состоит в том, что трансформационные процессы в публичной сфере приводят одновременно к повышению роли государственных и негосударственных акторов в производстве и осуществлении публичной политики и изменяют систему их отношений в направлении сотрудничества. При этом осуществляется переход от административного государства к государству координационному, а в сфере негосударственной активности возрастает значение «вовлечения в публичные дела». Роль координационного государства в этом случае состоит в том, чтобы обеспечить равный доступ, защитить понятное использование и стимулировать подходящие информационно-коммуникационные технологии. Не случайны в этой связи проекты по использованию новых технологий для расширения экспертной деятельности гражданских сообществ и отдельных граждан.

Все это создало, на наш взгляд, общее лиминальное властное состояние.

Во-первых, под вопросом находится институциональная матрица политического устройства, сформированная конституцией 1993 г. и усиленная политикой стабилизации. При этом, недостаточность мер расширения условий политического плюрализма будет подвергаться дальнейшей критике как раз из-за их встроенности в старую институциональную матрицу.

Во-вторых, новая институциональная матрица власти не до конца ясна. Кризис репрезентативной демократии (не только в России, но и на Западе) позволяет говорить о формировании более широкой схемы центров политической власти, в которой государство будет сохранять доминирующие позиции, но только в качестве антимонополистического ресурса, координирующей власти и символа национальной идентификации.

В-третьих, значительную роль в трансформации сыграет все возрастающая роль государства как поставщика публичных услуг, но не монопольного центра выработки публичных ценностей. С одной стороны, будет возрастать требования и общественный контроль над качеством публичных услуг. С другой стороны, усилится влияние форумной и сетевой демократии на формирование политических повесток и принятие политических решений.

В-четвертых, по-видимому, функция легитимного насилия останется за государством, но изменятся способы легитимации его применения. Возрастет значение, например, таких факторов легитимации как «угроза коллективной безопасности», «принуждение к миру», «гуманитарная катастрофа» и т.п.

В-пятых, политической стратегией государств в борьбе за ресурсы конкурентоспособности станет открытость к национальным ресурсам, обеспечивающим формирование здесь центров международного притяжения. В этой связи возрастет значение индустрии знаний, культуры, транспорта, коммуникации и туризма, в целом «стабильности за счет развития».

Список литературы

1. Евин И. А. Введение в теорию сложных систем / И. А. Евин // Компьютерные исследования и моделирование. – 2010. – Т. 2. – № 2. – С. 121–141.
2. Сморгунюв Л. В. Событийное знание и его значение для современной сравнительной политологии / Л. В. Сморгунюв // Политические исследования. Полис – 2011. – № 1. – С. 122–133.
3. Elliot E. Complexity, Politics, and Public Policy / E. Elliot // Knowledge Management, Organizational Intelligence and Learning and Complexity / ed. by L. D. Kiel. – Oxford : EOLSS Publishers, 2003. – 269 p.
4. Overman E. The New Science of Administration: Chaos and Quantum Theory / E. Overman // Public Administration Review. – 1996. – Vol. 56. – № 5. – P. 487–491.
5. Pollitt C. Complexity Theory and Evolutionary Public Administration: A Skeptical Afterword / C. Pollitt // Managing Complex Governance Systems: Dynamics, Self-Organization and Coevolution in Public Investments / ed. by G. R. Teisman, A. Van Buuren, L. Gerrits. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – P. 213–230.
6. Stacey R. Strategic Management and Organizational Dynamics. The Challenge of Complexity / R. Stacey. – Harlow, UK : Prentice Hall, 2003. – 496 p.
7. Taylor G. The New Political Sociology. Power, Ideology and Identity in an Age of Complexity / G. Taylor. – New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 234 p.

References

1. Evin I.A. Vvedenie v teoriju slozhnyh sistem [Introduction in the theory of difficult systems]. *Komp'yuternye issledovaniya i modelirovaniye* [Computer researches and modeling], 2010, vol. 2, no. 2, pp. 121–141.
2. Smorgunov L.V. Sobytiynoe znanie i ego znachenie dlja sovremennoj sravnitel'noj politologii [Event knowledge and its value for modern comparative political science]. *Politicheskie issledovaniya. Poliss* [Political researches. Policy], 2011, no. 1, pp. 122–133.
3. Elliot E. Complexity, Politics, and Public Policy / E. Elliot // Knowledge Management, Organizational Intelligence and Learning and Complexity / ed. by L. D. Kiel. – Oxford : EOLSS Publishers, 2003. – 269 p.
4. Overman E. The New Science of Administration: Chaos and Quantum Theory / E. Overman // Public Administration Review. – 1996. – Vol. 56. – № 5. – P. 487–491.
5. Pollitt C. Complexity Theory and Evolutionary Public Administration: A Skeptical Afterword / C. Pollitt // Managing Complex Governance Systems: Dynamics, Self-Organization and Coevolution in Public Investments / ed. by G. R. Teisman, A. Van Buuren, L. Gerrits. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – P. 213–230.
6. Stacey R. Strategic Management and Organizational Dynamics. The Challenge of Complexity / R. Stacey. – Harlow, UK : Prentice Hall, 2003. – 496 p.
7. Taylor G. The New Political Sociology. Power, Ideology and Identity in an Age of Complexity / G. Taylor. – New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 234 p.

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ И СТРАТЕГИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор

Армавирская государственная педагогическая академия
352901, Россия, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159
E-mail: pragpu@mail.ru

В статье анализируются подходы к определению социальной, демографической и семейной политики. Рассматриваются различные типы политик: эксплицитная, имплицитная, негативная. Дается определение демографической политики и определяется роль демографических процессов для всего политического процесса современной России.

Ключевые слова: демография, депопуляция, демографическая политика, дискурсы демографической политики, гендерные проблемы демографии.

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN CONCEPTS AND STRATEGIES OF POPULATION POLICY

Vartumyan Arushan A., D.Sc. (Political Science), Professor

Armavir State Pedagogical Academy
159 R. Luxemburg st., Armavir, 352901, Russia
E-mail: pragpu@mail.ru